18+

Татьяна Володина

И всходит Солнце...

Татьяна Володина

И всходит солнце… Повесть

«Издательские решения»

Володина Т.

И всходит солнце… Повесть / Т. Володина — «Издательские решения»,

Говорят, после сорока солнце жизни склоняется к закату. Яркости и счастья, как в молодости, уже не будет. Остается довольствоваться тем, что есть. Элла разведена и погружена в зарабатывание денег. Ей не до мужчин. Но внезапный роман с молодым и ярким Григорием воскрешает в ней живую и страстную женщину. Надолго ли? Или вспышка чувств — только последняя радость перед угасанием? Не знает никто. Но солнцеснова взойдет, если очень в это верить. И плоды этих всходов могут быть сладкими.

© Володина Т.
© Издательские решения

Содержание

Татьяна Володина 6
Конец ознакомительного фрагмента. 15

И всходит солнце… Повесть

Татьяна Володина

© Татьяна Володина, 2026

ISBN 978-5-0071-4887-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Татьяна Володина
И всходит солнце…

Моей семье, с которой никогда не соскучишься, — вы моя опора и мой тыл, без которых не было бы ни меня, ни моих книг.

Моим коллегам из всех мебельных комплексов, где я работала, — вы всегда кладезь опыта и новых историй.

1.

— Eins, hier kommt die Sonne.

Zwei, hier kommt die Sonne.

Drei, sie ist der hellste Stern von allen…

Мощный мужской голос в сопровождении не менее активной гитары резко вырвал из сладких глубин крепкого сна. Под такие звуки особенно не поспишь, и Элла тут же открыла глаза, пытаясь понять, где она и что происходит. Перед глазами была комната, залитая полутьмой, едва озаренной неярким светом то ли ночника, то ли настольной лампы. Комната незнакомая, которую женщина не смогла опознать с первого взгляда, узкая и длинная. У дальней стены, прямо напротив Эллы, угадывались шкаф и небольшой стол; сразу же рядом, по левой стене, еще более темной тенью, — дверь. По правой стороне комнаты располагалась небольшая горка с телевизором, рядом кресло. А сама Элла лежала на разложенном диване, бок о бок с прекрасно сложенным мужчиной, чья развитая мускулатура сразу говорила о том, что времени в тренажерном зале он проводит немало. Мужчина был полностью раздет, как и она сама, и сейчас смотрел на нее, мигая спросонья. Понадобилось еще несколько секунд, чтобы она опознала в нем Григория.

— Ответишь на звонок? — хриплым голосом спросил он, и Элла медленно и неуклюже поднялась, кое-как переползла по дивану в сторону телефона, все еще громко поющего по-немецки про солнце, и наконец нажала кнопку приема.

— Эль, ты где? — раздался в динамике голос мамы. — Что так долго трубку не берешь? Ты спишь, что ли?

Элла прочистила горло и ответила:

— Не гони, мам! Не так быстро! На какой вопрос отвечать первым?

— Я спрашиваю, ты где? Домой собираешься ехать?

Мысли Эллы понеслись вскачь, и не прошло и пары секунд, как она довольно бодренько ответила:

— Я у Наташи. Сидим, винишко пьем, болтаем. Ты меня потеряла, что ли?

— Я проснулась воды попить, а тебя нет, — уже спокойнее ответила мама. — Думаю: надо звонить, искать. А то я что-то забеспокоилась.

— Чего беспокоиться, мам? Мне вроде не семнадцать лет. Взрослая девочка, разберусь.

Мама на том конце подумала несколько секунд, потом продолжила с явно слышимыми язвительными нотками:

— Так ты домой-то приедешь? Или тебя сегодня из списка проживающих временно исключить? И вино… Как ты завтра работать будешь?

— Да ну, брось, — ответила Элла, краем глаза заметив, как Григорий на диване перевернулся на бок, оперев голову на руку, и следил за ней заинтересованным взглядом. — Мы так, по чуть-чуть. Надо ж мне хоть иногда отдыхать, раз уж выходных не бывает.

— Ладно, — смирившись, наконец сказала мама уже нормально. — Передавай Наташе привет. И домой-то тебя ждать сегодня или там заночуешь?

— Посмотрим, — быстро ответила Элла. — Отдыхай, мам, и не переживай. Макс-то хоть дома? Или тоже загулял?

— Максим дома. Спит без задних ног.

— Ну и ладно. Доброй ночи!

— Доброй ночи!

Григорий продолжал смотреть на нее. То ли ей показалось в полутьме, то ли он действительно любовался ею, но женщине вдруг стало неуютно и захотелось во что-то закутаться. Она потянулась и сдернула с края дивана скомканную простыню, которой, по всей видимости, кто-то из них недавно укрывался. Закуталась, пряча тело почти целиком, от подмышек до лодыжек. Села в кресло у горки, не зная, что делать дальше.

В голове стали подниматься воспоминания: как она попала в эту комнату и что было потом. Кажется, щеки порозовели от увиденного в чертогах разума, но она бы не поклялась. Их с Григорием тела, сплетающиеся на этом самом диване, его неожиданно ловкие пальцы, дарившие ей удовольствие, ее закушенные губы, его взгляд, который, казалось, прожигал насквозь, оставляя на теле вполне осязаемые следы… Теперь она была уверена: краснеет. Хорошо, что темно.

Григорий все еще молча смотрел на нее, так же лежа на боку и, в отличие от нее, не делая никаких попыток прикрыться. Да ему и незачем было: у него было прекрасное тело, и он знал об этом. Широкие плечи и сильные руки, отлично прорисованные мышцы груди и живота, покрытых почти черными при этом освещении волосками, такие же хорошо проработанные ноги — пусть не слишком длинные по сравнению с торсом, но на взгляд Эллы откровенно красивые. На остальное она старалась не смотреть, чтобы не раскраснеться еще больше, пусть и при скудном свете ночника, стоявшего на небольшом столике между диваном и окном, это не стало бы слишком заметно.

Она сама эталонным телосложением похвастаться не могла. Ее тело можно было назвать скорее уютным, нежели красивым, — то, что сейчас принято называть «плюс-сайз». Большая грудь, мягкий живот, уже давно не тонкая талия, руки с сильными, привыкшими к разнообразным физическим нагрузкам мышцами, длинные ноги, на которых оставили свои следы не самые желанные килограммы. За год с небольшим, пока длился их с мужем развод, Элла стала значительнее на двенадцать кило живого веса и отлично знала все свои особенности. Это заставляло еще больше удивляться, что Григорий с таким теплом и интересом смотрит на нее.

— Все нормально? — наконец спросил он, и в его голосе уже не было той хрипотцы, которая обычно слышна, когда человек только проснулся. — Ты кажешься какой-то потерянной.

— Нормально.

— Тогда, может, вернемся ко сну?

Элла поерзала в кресле. Еще поспать? А который вообще час? Смартфон услужливо подсказал: около двух часов ночи. Не пора ли домой? Завтра на работу вообще-то, мама права.

Григорий тем временем приглашающе похлопал по простыне рядом с собой.

— Давай, иди сюда. Самое время спать дальше.

— Мне домой надо…

— А смысл? Пока соберешься, пока доедешь, только уляжешься — снова вставать. Оставайся тут. Или тебе некомфортно?

Комфортно ли ей было? Элла не знала. Чужая комната. Чужая обстановка. Чужой, в общем-то, мужчина, в холостяцкую комнату которого ее занесло случайным ветром мимолетной страсти. Все чужое. Но уходить почему-то не хотелось. И даже не по логическим соображениям, которые только что озвучил Григорий, а просто… Просто так. В конце концов, она не девочка, чтобы по первому маминому звонку лететь домой. Ей уже сорок четыре, за спиной

брак, в наличии сын двадцати одного года от роду. Она сама себе хозяйка и вольна спать (или не спать) там (и с тем), где сама захочет.

— Мне комфортно, — ответила она, потягиваясь. — Но будет еще лучше, если я смогу принять душ.

— Фигня вопрос, — кивнул, поднимаясь, Григорий. — Сейчас все организуем.

Все и правда было организовано быстро и споро. Он нашел где-то в недрах шкафа огромный мужской халат, извинившись, что женских нет, не держит, достал большую чистую футболку, жидкое мыло в большом флаконе и пушистое полотенце, а потом проводил ее через пустынный коридор секции общежития до душевой, постоял, карауля, и довел обратно, до дивана, где она, уже в полусне решив про себя, что подумает обо всем завтра, отключилась у него под боком.

2.

Элла Котова в свои без пяти минут «ягодка опять» представляла собой совершенно обычную, среднестатистическую женщину своего возраста с обычными задачами и проблемами. Развод с мужем, с которым они прожили более двадцати лет, успел сильно ее потрепать, добавить лишних килограммов и седых волос. Первые она более-менее успешно маскировала хорошо подобранной одеждой, вторые — качественной краской для волос. Образ в целом сохранялся если и не сногсшибательный, то вполне приличный, что было немаловажно, поскольку работала Элла в торговле, а соответствующий внешний вид призовых очков всегда добавлял.

Разделив с мужем после развода совместно нажитую «трешку», Элла поняла, что вырученных денег на отдельное жилье сейчас не хватит. Сын, пусть уже и взрослый, сам по себе пока не жил, к отцу уходить желания не выказал, и они хотели было снять на двоих что-то не слишком дорогое, пока не заработают на квартиру, но тут вступили со своей партией родители Эллы. У них тоже была трехкомнатная квартира, в которой проживали только они, пенсионеры.

— Поживите пока у нас, — предложили они. — Зачем платить за съемную, если эти деньги можно отложить?

Максиму, сыну Эллы, было в принципе все равно, он и так домой приходил практически только ночевать, поскольку учился в университете и при этом работал. А Элла подумала-подумала, да и согласилась. В конце концов, она тоже домой возвращалась поздним вечером, а утром уже убегала на смену. Мало будет возможностей видеться с родителями, а значит, и поводов для конфликтов возникнуть не должно. Тем более что, подумав и прикинув возможности, Элла еще до развода устроилась, помимо мебельного салона, где трудилась администратором, еще и в салон домашнего текстиля. Лишние деньги были совсем не лишними, график «два через два» позволял объять необъятное, а выходные… Не одна она, в конце концов, работает без выходных. Если ей было ну очень нужно отоспаться или пойти решать какие-то очередные вопросы, она просто отпрашивалась у руководства и договаривалась с коллегами из другой смены о замене. Ей всегда шли навстречу. А чтобы и у родителей не было никаких вопросов, Элла просто молча взяла на себя оплату коммуналки и набивала холодильник. Точнее, она выделяла на это деньги, а Максим или заказывал доставку, или привозил продукты сам. Так что теперь родители жили в своей комнате, которая раньше была их спальней, Макс обитал в самой маленькой комнате, которая в незапамятные времена была Эллиной детской, а самой Элле была выделена та, которая по старой привычке звалась «залом». Фактически она спала на диване и про себя в шутку называла это «койко-местом». А что еще нужно женщине, которая живет на работе?

Естественно, после нервотрепки с разводом, с учетом такого насыщенного рабочего графика, Элле было вовсе не до мужчин. О том, чтобы снова полезть в ту же трясину, из которой только выбралась, она и думать не желала. Тут хоть бы подружек иногда увидеть, выпить по паре рюмок чаю и посудачить о своем, о девичьем. Наташа была одной из них, и именно ею Элла прикрылась в этот раз, зная, что подруга всегда поймет и поддержит.

Григорий появился в жизни Эллы чуть более трех месяцев назад, весной. Хозяин их сети мебельных салонов разорвал договор с компанией-перевозчиком, доставлявшей их мебель к клиентам раньше. Много стало жалоб на качество, а стоимость услуг, напротив, упорно росла. Владелец той компании на запросы отвечал, что ничего «такого» не делает, как возили раньше, так и возят, поэтому начальнику Эллы, Алексею Романовичу, пришлось с ним попрощаться. Новым перевозчиком стала фирма, хозяином которой и был Григорий. Ему было тридцать два года, имелись 5 тентованных «газелей», уже опытные грузчики и сборщики, и сам он успел в свое время поработать в мебельном производстве, так что внутреннюю «кухню» знал хорошо. И за то время, которое они уже сотрудничали, вопросов к качеству практически не было. А что ценила в Григории сама Элла как администратор — это то, что он умел найти общий язык с любым человеком, легко гасил конфликтные ситуации в зародыше и этим очень упрощал жизнь продавцам салонов.

Нет, разумеется, ни о каких отношениях между ним и Эллой и речи быть не могло, хотя бы потому что ей это было совершенно не нужно. К тому же, она не воспринимала мужчин моложе себя как объекты интереса и не особенно верила в то, что может вызвать интерес подобного рода у них. Да и потом, кому сто лет нужны служебные романы? Но вот поди ж ты…

Как-то Алексей Романович на свой день рождения собрал коллективы салонов, офис и часть доставки в пригородном кафе, где готовили прекрасный шашлык. В честь праздника и закрылись раньше, и назавтра планировали открыться чуть позже. Шеф очень ценил атмосферу в коллективе, поэтому старался регулярно организовывать такие мероприятия, где сотрудники могли отдохнуть и выстроить связи. Элла, конечно, на празднование пошла, как и всегда ходила, даже при условии того, что на следующий день ей с самого утра было нужно выходить на другую работу.

Она не налегала на спиртное, зато много общалась, танцевала, даже пару раз спускалась к реке, на берегу которой располагалось кафе, и болтала ногами в воде — это ее успокаивало. И как-то совершенно неожиданно для себя Элла обнаружила, что эмоционально спорит с Григорием, сидя на деревянном настиле, разгоняя ногой круги на воде и размахивая в воздухе руками. А спорили они о разводах. Он, как и она, совсем недавно развелся, находился в процессе раздела имущества с бывшей женой и переживал по поводу того, как будет общаться с маленькой дочкой, которая уже этой осенью должна была идти в первый класс.

— Я понимаю, что ты сейчас зол на бывшую, — говорила она, — а она точно так же зла на тебя. И вы готовы на что угодно, лишь бы досадить тому, другому. Только пользы-то от этого хрен да маленько.

— И что? — парировал Григорий. — Какая тут может быть польза? Меня от нее воротит, понимаешь ты? Я пытался идти навстречу, она ни в какую! Только претензии одни, я кругом козел и кругом должен!

— Ты думаешь, ей легко? — отзывалась Элла. — Ее сейчас если спросить, она про тебя то же самое скажет: что пытается наладить с тобой контакт, но ты ни в какую и только тянешь одеяло на себя.

Мужчина махал в ответ рукой.

— Все это ваша бабья солидарность! Неважно, кто прав, главное — встать за такую же, как ты, да?

Элла зло смотрела ему в глаза.

— Нет! Я прекрасно понимаю, что никто не белый и не пушистый. Сама только недавно разводилась, помню, как оно. — Ее передернуло от воспоминаний. — Если отношения закончились, виноваты, как правило, оба. Но дальше-то жить надо! И того, что у вас общий ребенок, из протокола не изъять. Именно ради дочки вы должны научиться разговаривать. И неважно, кто там из вас козел, а кто коза…

Его прищуренные темно-карие глаза говорили лучше всяких слов.

— Давно ли такая умная стала? Чего ж свой брак не сохранила?

— А нечего там сохранять было. — Элла махнула рукой, и жест получился каким-то неуместно легкомысленным. — Каждый уже смотрел в другую сторону. Прошел тот момент, когда можно было еще что-то сметать, хоть наживую, хоть с кровью, хоть криво… Оттого и умная стала, что прошла это все.

Григорий приблизился так, что теперь она чувствовала его приправленное парами алкоголя дыхание.

— И как вы сейчас? — спросил он.

Она пожала плечами.

— Общаемся минимально. Просто как знакомые. Общая тема — сын, а он уже взрослый, его, в отличие от твоей дочери, в школу вести не надо. Все.

Элла посмотрела на него остро, почти что зло.

— А у вас так не выйдет, — сказала она. — Ну, то есть вы можете, конечно, каждый раз грызться, поливать друг друга грязью, но потом ни ваша дочь вам спасибо за это не скажет, ни вы сами не простите себе, что испоганили ребенку детство. Оно тебе надо, ну честно? Ты ж нормальный мужик, Гриш.

Тогда он в первый раз поцеловал ее. Кажется, даже забыв, что с летней террасы их может кто-то увидеть. Удивив ее самим этим действием и тем, в каком контексте все произошло. Элла никогда не подумала бы, что разговор, почти спор о разводах может привести к поцелую. Но, сама себя удивив, она ответила, и ей понравилось. В конце концов, она сто лет не целовалась с молодыми мужчинами у воды под ласковыми лучами летнего солнца, так почему бы и нет?

Все оставшееся до конца празднования время они почти не разговаривали между собой, но Элла ловила темные взгляды Григория и не могла запретить себе искоса поглядывать на него в ответ. Что-то сдвинулось между ними. Что-то щелкнуло и повернуло подземные плиты. Так, как раньше, уже быть не могло.

А потом, несколькими часами позже, она проснулась от маминого звонка в его постели в комнате общежития — комнате, явно говорящей о том, что там живет один мужчина, но при этом достаточно чистой и обжитой. Думать о том, как все это произошло между ними, не хотелось категорически. Потому что молодые симпатичные мужчины не обращают внимания с далеко идущими намерениями на обычных среднестатистических женщин ее возраста. Потому что ничего, кроме вот таких мимолетных, непонятных им самим свиданий, тут быть просто не могло. Потому что лезть во что-то серьезное после выкрутасов бывшего мужа она не могла и не хотела. И потому что нечего себе глупостями голову забивать, работать надо и деньги зарабатывать.

3.

Рабочий день после неожиданного приключения с Григорием у Эллы случился совершенно обычный. Она вышла в салон текстиля, где была ее смена, поболтала с напарницей, поработала с выкладкой и втянулась в консультации и продажи. По причине выходного дня людей в торговом центре было много, и к ним в салон тоже люди регулярно заходили, так что скучать было некогда. Потом Элла отпустила напарницу пообедать и только тогда нашла время, чтобы подумать о том, что же произошло ночью. При одной только мысли об этом щеки

загорелись. То ли стыдно было, то ли, напротив, очень радостно, она и сама бы не сказала наверняка, но с волнением справиться не получалось. В ее достаточно однообразной жизни вот так позволить себе утолить страсть с приятным мужчиной, да еще и моложе ее, было чем-то нетривиальным. Приключение как оно есть. Вот только что делать дальше и как себя вести, Элла не понимала. Сделать вид, что ничего не было, и продолжать общаться с Григорием так, как общалась до того? Но не станет ли это пренебрежением в отношении него? Лично она была бы очень обижена, если бы мужчина, с которым она провела ночь, так себя повел… А если он сам сделает вид, что все ей только приснилось, как потом с ним работать? А если не сделает, то что? У Эллы, наверное, взорвался бы мозг, если бы в двери салона не вошел ее сын Максим, переключив внимание на себя.

— Мам, привет! — радостно гаркнул он, подойдя ближе. — Ты жива еще, моя старушка?

— Как видишь, — в том же тоне ответила Элла. — А что, были сомнения?

Макс фыркнул.

— Бабушка устроила небольшой митинг по поводу того, что ты дома не ночевала…

— Я что, ученица начальных классов? — Элла скептически подняла бровь.

— Да не, — отмахнулся Макс, — не в том дело. Она испереживалась по поводу того, что ты домой не заходила, а значит, и поесть себе ничего не взяла. И вот как ты теперь на казенных харчах весь день будешь?

Он так похоже изобразил интонации Эллиной мамы, что оба прыснули.

— Ну, вот как-то так, — развела руками Элла.

— Но ничего, я пришел тебе на помощь, — добавил пафоса в голос сын и протянул Элле пакет, который держал в руках. — Вот, бабушка тут тебе собрала обед пахаря в поле. А я передал, я молодец.

Элла хихикнула, принимая передачу.

— Однозначно молодец. Кто бы сомневался!

Как раз в это время вернулась с обеда напарница, так что Элла, оставив пакет с едой в небольшой бытовке, вышла с сыном в торговый центр. Они побродили немного, купили себе кофе, Макс предупредил, что после работы поедет с ночевкой к подруге, которая жила с родителями в собственном доме в одном из районов индивидуального строительства. Там планировались посиделки с гитарами и шашлыком, и Элла сына только поддержала. У него тоже был бешеный график, и если не отдыхать, то можно просто сдохнуть.

Перерыв на болтовню с сыном и обед домашней маминой едой отвлекли Эллу от переживаний по поводу Григория, так что вторую половину рабочего дня она занималась исключительно делами, а потом по сложившейся традиции отпустила напарницу пораньше, оставшись доработать до закрытия одной. Вечером уже столько людей не будет, зачем высиживать?

Наверное, именно этого момента ждал Григорий, чтобы позвонить. Элла протянула руку, чтобы взять снова уверенно распевающий про солнце телефон из-под рабочей стойки, не зная, кто звонит, а когда увидела, растерялась. Она не могла решить, что делать — ответить ли на звонок, отбить или сделать вид, что занята и не слышит… Но палец сам смахнул иконку вызова на прием, а губы сами сказали в микрофон:

— Да.

— Привет! — Голос Григория был беззаботен и, кажется, даже немного пьян. — Ты занята сейчас?

— Нет.

— Поболтаем немного?

Это было настолько неожиданно, что Элла даже не придумала, что ответить.

— Как у тебя день прошел? — спросил Григорий, будто даже не обратив внимания на то, что она ничего не сказала. — Много работы было? Устала?

— Ну… Есть капельку. Но скоро домой, так что ничего страшного. Отдохну.

Григорий немного помолчал, потом продолжил:

— Мои сегодня несколько ваших диванов из салонов отвезли. Девчонки работают. В понедельник привезем в твой салон несколько штук на смену. Я буду за рулем, у меня опять водила захворал. — И умолк.

Элла тоже молчала. На нее напал какой-то ступор. Она правда не знала, о чем говорить с Григорием. О работе? Но ведь не для этого он позвонил. Все новости она и так узнала бы, придя на смену в мебельный. Об их ночи? А что тут говорить? Было и было. И вряд ли будет еще. О погоде? О природе? О жизни на Марсе?

— Эль… — прервал молчание Григорий, и в одном этом слоге Элла теперь точно услышала: ее собеседник пьян и только пытается казаться трезвым. — Я приеду в понедельник с диванами. Я хочу тебя увидеть. И поговорить.

— Мы уже говорим, Гриш.

— Да, говорим… Ты была права, Эль.

— В чем же?

— Я сегодня с утра, как ты уехала на работу, позвонил бывшей. Поругались, конечно, сразу, не без того. Но потом успокоились, даже смогли договориться… Ну, я постарался поставить себя на ее место, как ты учила… В общем, она мне дочку разрешила на целый день забрать. Мы в зоопарк ходили, потом в кино. И в кафе посидели. — Он так глубоко и горестно вздохнул, как будто именно поход в кино и кафе донельзя его опечалил. Элла понимала, что это, разумеется, совсем не так. — Потом я ее отвез домой, а сам с парнями пошел пиво пить…

— Это ты пивом так накачаться умудрился? — не удержалась от комментария Элла.

— Да нет, конечно. — Григорий хихикнул, и это звучало просто ужасно. — Водкой догнались, не без того… Но я не об этом. Если бы не твои слова, Эль, я бы сроду не решился на тот звонок. Спасибо тебе!

Элла почувствовала, как снова заливается краской.

— Да чего уж там, я ничего не сделала, — пробормотала она. — Это ты.

— Нет, все благодаря тебе. И я хочу тебя увидеть…

Он опять замолчал, и пока Элла ждала, что еще он скажет, в салон вошла пожилая пара. Нужно было завершать разговор.

— Гриш… — начала было она, но он перебил:

— Эль, и тогда, ночью, хорошо было… Ты не думай, я это… Я… Мне очень понравилось…

— Гриш, у меня люди, — вклинилась в его поток сознания Элла. — Мне идти надо.

— Иди, — уже даже не пытаясь скрыть опьянения, сказал Григорий. — Я приеду в понедельник.

Она ничего не ответила, завершила звонок и двинулась навстречу посетителям. Душа ее была в полном смятении.

4.

В понедельник, как и обещал, Григорий с парой грузчиков-сборщиков привез в Эллин салон три угловых дивана. Девчонки на выходных и правда хорошо поработали, и Эллу это радовало. А вот появление Григория, удивительно бодрого и свежего для первого дня недели, снова вызвало у нее противоречивые чувства. Но в салоне был шеф, показывать ему лишнее было совсем ни к чему, так что Элла «включила администратора», приветливо поздоровалась с парнями и сразу же взяла их в оборот: тут вот передвинуть, чтобы новая модель поместилась, а тут лучше пересобрать диван на другую сторону, чтобы он хорошо встал и обновил выставку, а вот тут можно и кресло притащить из вон того угла… Пока она активно двигалась по территории и нещадно эксплуатировала сотрудников Григория, он сам о чем-то увлеченно

беседовал с Алексеем Романовичем, и это было Элле на руку. Она даже самой себе, в глубине собственного сердца, боялась признаться, что страшится обещанного разговора. С другой стороны, Григорий тогда был пьян — может, он уже и не помнит ничего?

Но он помнил. И когда парни все сделали и двинулись к служебному коридору, ведущему к площадке разгрузки, он вдруг хлопнул себя по лбу:

— Вот я растяпа! У меня же ваши накладные! Эль, пойдем, я тебе сразу отдам, а то буду потом возить туда-сюда.

В салоне находились люди, но с ними уже работала напарница Ирина, и Алексей Романович кивнул головой, разрешая Элле ненадолго покинуть рабочее место. Ей ничего не оставалось, кроме как пойти с Григорием.

В служебном коридоре было пустынно и тянуло сквозняком: видимо, открыто было несколько погрузочно-разгрузочных слотов, а это значило, что затишье здесь ненадолго. Григорий остановился и, повернувшись к Элле, очень тихо, так, что она едва услышала, спросил:

— Что мы теперь будем делать, Эля?

Она пожала плечами:

— Ты отдашь мне накладные, и я пойду работать. А вы с парнями поедете на доставки.

Он досадливо поморщился.

— Ты понимаешь, что я не об этом.

— А о чем, Гриш? О том, что у нас случилось внезапное помешательство? Так все люди взрослые, понимаем, что это ничего особенного не значит. Да и потом…

— Ничего не значит, говоришь? — не дал договорить ей Григорий.

— А для тебя значит? Ну честно? Ты пошел на поводу у эмоций, я сделала то же самое. Было хорошо, да. Но ничего же больше не будет. И ты не хуже меня это знаешь. Так зачем себя заставлять делать что-то, чего ты не хочешь?

— *Ты* себя заставляешь? — Он сделал упор на первом слове.

— Нет. Но это делаешь ты. А я этого не хочу. Я не хочу, чтобы ты себя заставлял. Это испортит те хорошие отношения, что были у нас до. Не порти, не надо.

Он ничего не сказал, только посмотрел на нее с плохо скрываемой злостью.

— Ладно, — сказал он наконец, когда со стороны улицы раздались звуки: кто-то вез на тележке что-то тяжелое — наверное, новую мебель на одну из выставок соседей. — Я понял. Не буду портить. — Он неловко почесал шею, на которой болтался на цепочке массивный серебряный крест. — Пойдем, что ли, я правда тебе накладные отдам…

Вернув бумаги на рабочее место, Элла сразу же в них закопалась, чтобы ни шеф, ни напарница не видели, в каких растрепанных чувствах она пребывает. Сидела, раскладывала отработанные договоры, накладные, акты приемки-передачи и молилась всем богам, чтобы никто не увидел и не понял, как отвратительно было у нее на душе. Она не верила Григорию и его поступкам. Она не верила себе. Она вспоминала, сколько нервов вытянул из нее муж за весь период бракоразводного процесса, и в очередной раз зарекалась заводить какие-либо отношения. И вместе с тем она не могла не вспоминать, как хорошо было тогда, той ночью, и как заботлив был Григорий, устраивая ее на ночлег, а потом помогая утром собраться на работу. Но вообще, если он такой золотой, чего ж он тогда с женой-то развелся? Кто такого прекрасного мужа отпустит? Изгнав злостью все остальные эмоции, Элла погрузилась в работу и больше в этот день к мыслям о неприятном не возвращалась.

Жизнь Эллы пошла своим чередом. Работа без выходных, редкие встречи с подругами, упреки родителей в том, что она совсем себя не бережет, успехи сына, который, к счастью, не забывал делиться ими с матерью, хоть и виделись они редко, даже формально живя под одной крышей. Сам Григорий повел себя достаточно адекватно, про свою «победу» никому болтать не стал — по крайней мере, именно такой вывод сделала Элла, видя, что на работе никто не

нее не косится и по углам не шепчется. Шила в мешке не утаишь; если бы кто-то что-то узнал, сплетни бы пошли сразу. Ну, и на том спасибо. Григорий все так же приезжал за бумагами, иногда подменял своих водителей, привозил мебель в салон или вывозил из него покупателям, но даже вскользь о том, что между ними произошло, никогда не упоминал. «Кобыла с возу — бабе легче», — подумала про себя Элла и забыла о произошедшем, переключившись на текущие заботы. Работа сама себя не сделает, деньги сами себя не заработают. И только иногда, укладываясь спать на своем «койко-месте» в квартире родителей, Элла вспоминала то удивительное, почти забытое за давностью лет ощущение полета сквозь ласкающий огненный вихрь, которое испытывала когда-то давно с тогда еще любимым мужем и которое на исчезающе короткое время подарил ей Григорий. Неужели это вообще возможно? Да ну, глупости какие-то! Ее солнце уже перевалило за зенит и неумолимо катится к закату, какие уж тут полеты?

5.

Прошло еще две с небольшим недели, когда в один рабочий вечер Элла поняла, что устала просто непереносимо, и сложно было разобраться, чего в этой усталости больше: физического или морального. Она как раз шла из продуктового гипермаркета, куда ее отпустила Ирина, с пакетом фруктов, которых захотелось до дрожи, и уже подходила к своей торговой площадке, когда ее накрыло этим ощущением. Пакет стал очень тяжелым, как и руки, ноги и даже, кажется, веки. «Вот хоть ложись и помирай», — пронеслось у нее в голове. Но падать посреди торгового центра было бы как-то странно, так что на честном слове и остатках самообладания Элла дошла до рабочего места, угостила напарницу огромным ароматным яблоком и почти принудительно отправила ее домой. Они частенько так делали, когда трафик был низким: по утрам начать смену могла одна, а вечером уйти пораньше, тогда как вторая приходила чуть позже и оставалась до закрытия. Да и просто договаривались, когда кому-то нужны были свободные пару часов. Ирина, правда, уходить не хотела, объясняя это тем, что Элла часто ее отпускает, но решили, что Элла просто назавтра придет позже, дома поспит подольше.

Чтобы не уснуть до завершения смены, Элла открыла сводные таблицы по продажам и стала проверять информацию за последнее время. Цифры требовали внимания и концентрации, и это должно было помочь продержаться. Она работала уже некоторое время, когда, подняв глаза, увидела, как на ее выставку кто-то входит, «включила» дежурную улыбку и только потом поняла, что приближающийся мужчина в светлой майке, открывающей загорелые руки и плечи, и в таких же светлых широких шортах — Григорий. Крест на его груди, такой же загорелой, казался светлее, чем был на самом деле, и эта деталь почему-то особенно привлекла внимание Эллы. В руках мужчина нес несколько пакетов известной сети магазинов спортивных товаров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.